

Предложение Планка Вейля не отличалось сложностью: он намеревался изменить конституционное определение «смерти». Декан Гроций терпеливо изучил присланные материалы и тяжело вздохнул:

— И все это ради Эрвина Германа?

— Не только, — возразил Планк. — Само понятие жизни должно корректироваться вслед за научным прогрессом.

Гроций посмотрел на него поверх очков:

— Если принять твои поправки, выйдет, что Эрвин мертв уже полвека.

— Зато Комитет по правам Омег больше не сможет совать нам палки в колеса. У покойников прав нет.

— Переписывать конституцию — значит подрывать основы общества. Ты уверен, что сейчас подходящий момент? И все ради одного-единственного человека?

— Комитет через парламент выбил для омег судебный иммунитет. С этой привилегией его невозможно приговорить к настоящей смертной казни, сколько бы улик я ни предоставил. Какой тогда толк его ловить? Но и воевать со всеми омегами я не хочу. Это мой единственный выход — пусть и паршивый.

Гроций закрыл терминал:

— А что думает президент?

— Господин Адамс хочет избавиться от него как можно скорее, — отозвался Планк.

В памяти Гроция всплыл образ президента — беты, обладавшего типичным для своего пола расчетливым и скрытным умом. Бывая в Конгрессе, Гроций всегда без труда выхватывал взглядом его невысокую фигуру из любой толпы. За годы юридической практики он досконально изучил повадки бет: если господин Адамс решил уничтожить Эрвина, тут даже Комитет по правам Омег окажется бессилен.

Вот только... Планк, ты уверен, что сам не станешь для президента разменной пешкой?

Гроций не стал озвучивать эти мысли. Снова активировав экран, он заметил:

— Процедура внесения поправок тянется годами. Даже если проект одобрят, до его

реализации утечет уйма времени. К тому же эти недоумки в парламенте ничего не смыслят в праве. Поверь, они будут голосовать «против» просто из принципа.

— Это уже забота господина президента. Мое дело — внести предложение и предоставить веские доводы.

Гроций уловил подтекст, но все же тихо вздохнул:

— А я-то надеялся, что нас связывает нечто большее, чем просто дела.

— Спасибо за совет, — ответил Планк, прекрасно поняв, к чему клонит собеседник. — Я знаю, что иду по тонкому льду. Но Эрвин — мой ученик. Я упустил его, позволил сойти с пути, и вина за это лежит на мне. Если придется платить... что ж, я получу по заслугам.

«Эрвин...» — Гроций перевел взгляд на серую линию горизонта за окном. Омеги всегда оставались для него загадкой. В один миг они холодные рационалисты, фанатично преданные своему делу, а в следующий — скатываются в такую чувственность, что теряют всякий контроль. Он надеялся, что Эрвин станет исключением. Как бы не так. В своем безумии тот ничуть не уступал вице-председателю Комитета по правам Омег.

— Мы старые друзья, Планк, и мне бы очень хотелось, чтобы ты вышел сухим из воды. Честно говоря, я не считаю Эрвина каким-то исчадием ада. На твоем месте я бы еще тогда попытался сесть с ним за стол переговоров.

Планк редко перебивал собеседников, но на сей раз не сдержался:

— Когда он соизволил поговорить со мной, то уже внедрил свой код в главный процессор системы «Оуэн». Он перешагнул черту, которую я не позволяю переступить никому.

Гроций лишь покачал головой. Планк был гениальным ученым, но переговорщиком, увы, никудышным. Впрочем, спорить дальше не имело смысла. Юрист поднялся, подошел к бару и — вопреки своим привычкам — откупорил бутылку дорогого спиртного.

— Решил поздравить меня? — с легкой усмешкой спросил Планк, принимая бокал.

— Поздравляю с тем, что ты, возможно, вскоре перепишешь само понятие смерти, — Гроций осушил свой бокал залпом. — Господи, лишь бы жена меня не придушила. Если она решит от меня избавиться, я буду мертвее мертвых, и никакие твои законы меня не спасут. Ик... Налей еще.

В ту ночь Гроций остался ночевать в кабинете, малодушно спасаясь от гнева супруги, а Планк поспешил к следующей точке своего маршрута. Будь бескрайний космос узким коридором, он непременно столкнулся бы лоб в лоб с председателем Комитета по правам Омег. К счастью, вселенная была слишком велика. Когда госпожа вице-председатель Анни Шуберт прибыла в Делфт, Планк уже три дня как покинул планету.

С первых минут пребывания в Делфте госпожа вице-председатель почувствовала, как сгустился воздух. Встретивший ее секретарь держался натянуто и сухо, а его приветственные фразы звучали как заученный протокол. Если в столице еще сохранялось хрупкое равновесие сил, то на планетах с преобладанием одного гендера общественные настроения быстро скатывались в крайности.

Беты недолюбливали альф за излишнюю напористость, но омеги они презирали куда сильнее, считая их законченными психопатами. С точки зрения беты, омеги вечно устраивали драмы на ровном месте: любить их было невыносимо, а расстаться — и вовсе непосильная задача. Для прагматичных бет омега не годился на роль спутника жизни. Так, ходячий ароматизатор во время течки, чей запах приятно вдохнуть, но не более. Мысль о том, чтобы связать судьбу с этим сверхчувствительным созданием после случайной связи, вызывала у бет лишь одну реакцию: «Ищите дурака в другом месте».

Перед тем как впустить красавицу-вице-председательницу в приемную, секретарь Вальд незаметно втянул носом воздух. Пахло действительно упоительно. Но на этом всё. Заперев за ней дверь, он ушел, даже не обернувшись.

Пожалуй, единственными, кого не раздражали омеги, оставались альфы. Окажись на месте Герса Шлиффена на астрономической станции мониторинга SWEEPS-98167[7] какой-нибудь исполнительный секретарь-бета, Эрвин давно был бы мертв. Беты безупречно справлялись с должностными инструкциями, но в личной жизни их терпение иссякало мгновенно.

Считал ли лейтенант Герс Шлиффен Эрвина обузой? Сказать трудно. После недавней стычки они оставили попытки прощупать друг друга, погрузившись в тягостное, пугающе искреннее молчание — так молчат двое смертников в камере перед расстрелом.

Какое сегодня число по стандартному календарю Федерации, больше не имело значения. Шлиффен просто следил за часами и вовремя приходил к Эрвину, чтобы сменить повязки на искалеченной ноге.

С каждым днем приступы боли мучили Эрвина все чаще, а седативные препараты действовали все слабее. На этот раз, размотав бинты, Шлиффен обнаружил на бледной коже стопы багровые отеки.

— Что там? — тихо спросил Эрвин.

— Кровоток совсем нарушен, пошли отеки, — Шлиффен на секунду замялся. — Я говорю это не ради своей выгоды, поверь. Тебе нужно подать сигнал бедствия. Я здесь бессилен, я ведь не

врач.

Эрвин скользнул взглядом по ноге. Самого воспаления он не видел, но отчетливо представлял, как плоть под марлей начинает заживо гнить.

— Если мы свяжемся с тюрьмой Освальда, закон обяжет их предоставить тебе квалифицированную медицинскую помощь. Твое упрямство бессмысленно. В конце концов ты просто сгниешь здесь заживо.

— Помоги мне сесть ровнее, — попросил Эрвин, проигнорировав его слова. — Из-за этого наклона я не вижу главный терминал.

Шлиффен лишь удрученно покачал головой и поправил его в кресле.

— Прости меня, — негромко произнес Эрвин.

Шлиффен вопросительно приподнял бровь.

— За тот удар током, — пояснил омега. Голос его звучал на удивление искренне. — Я знаю, каково это — пережить перегрузку нейроузлов. Мне действительно жаль. Еще до твоей жесткой посадки радары засекли мех. Мне следовало позволить тебе уйти, но я этого не сделал. И это моя ошибка.

Шлиффен промолчал, продолжая слушать.

— Минутная слабость... Я просто подумал: а вдруг там, внутри, живой человек? Вдруг рядом с ним мне станет хоть немного легче? Ведь умирать в абсолютном одиночестве — это сущая пытка.

Эрвин устало прикрыл глаза.

— Я гадал: может, это бета? Тихий, покладистый... Представлял, как она до смерти меня испугается.

— Беты обычно работают механиками, — заметил Шлиффен. — За штурвал боевого меха их почти не сажают.

— Твоя правда... — Эрвин попытался покачать головой, но даже это движение далось ему с трудом. — Когда рассудок затуманен, начинаешь совершать глупости.

— Я тебе верю, — кивнул Шлиффен. — В первую секунду, когда ты меня увидел, на твоём лице

отразилось разочарование. Оно было сильнее удивления.

— Вот как? В таком случае согласишься ли ты тому, что я скажу дальше?

— И что же ты хочешь рассказать?

— То, что тебя так сильно интересует.

— С чего вдруг такая откровенность?

— А если я промолчу... — Эрвин тяжело вздохнул. — О чем нам еще говорить? Кажется, больше у нас ничего не осталось.

С трудом шевеля пальцами, он развернул инвалидное кресло к главному экрану.

В воздухе повисла неловкость. Желая скрыть смущение, Шлиффен молча вернулся к повязке, которая вряд ли могла чем-то помочь.

— Неужели ты искренне веришь, что с этим миром все в порядке? — внезапно заговорил Эрвин. — Альфы ведут экспансию, беты обеспечивают производство, омеги воспроизводят новых альф. Пройдет еще пара тысячелетий, и человечество заполнит собой весь космос. Шлиффен, ты правда считаешь этот порядок нормальным?

— Если подумать, на древней Земле люди занимались примерно тем же самым, — пожал плечами Шлиффен, не совсем понимая, куда клонит ученый.

— Вот именно. Экспансия, производство, экспансия и снова воспроизводство. С той лишь разницей, что три гендера оказались эффективнее двух, а под надзором системы «Оуэн» хаос сменился строгим порядком. Но скажи мне, Шлиффен: в тюрьме Освальда от этого стало меньше заключенных?

— И к чему ты клонишь?

— К тому, что я написал новый алгоритм. Программу, которая должна положить конец технологии бесконечной регенерации человеческих генов.

Шлиффен замер от удивления.

— То есть ты хочешь, чтобы люди, как в древности, жили... всего по сотне лет?

— Эволюционный путь от двух полов к трем, от хаоса к идеальному порядку себя исчерпал.

Наша цивилизация зашла в тупик, Шлиффен, это же очевидно. Технологию генной регенерации создал я. И я имею полное право забрать ее назад.

— Но это же безумие! Самое настоящее убийство! И все только потому, что тебе показалось, будто наша цивилизация зашла в тупик? Лично я так не считаю. Эрвин, ты абсолютно безумен! Теперь мне ясно, почему тебя объявили преступником первой категории. Ты замыслил истребление всего человечества!

— Ты ведь не думаешь, что человечество разделилось на три гендера естественным путем? — горько усмехнулся Эрвин. — Это был выбор, сделанный в последние дни перед исходом с Земли. И сделали его не все, а горстка людей. В те времена, когда технологии генной инженерии еще пребывали во младенчестве, несколько человек решили судьбу вида за всех остальных. Мы стали такими лишь ради того, чтобы цивилизация сделала шаг вперед. И сейчас пришло время для нового шага.

— Погоди, — Шлиффен заставил себя успокоиться и ухватиться за нить разговора. — Прежде всего я хочу понять: куда именно мы должны сделать этот шаг?

— В высшее измерение.

— Что? — Обычный надзиратель, пусть и любивший на досуге почитать книги, не имел высшего образования, но суть мысли безумного ученого уловить сумел. — Ты имеешь в виду четырехмерное пространство?

— Алчность, эгоизм, панический страх одиночества... Все эти первобытные черты никуда не исчезли после вмешательства в геном. Наша цивилизация выражает себя через бесконечную экспансию и грабеж. Мы кажемся себе развитыми, но на деле продолжаем творить то же, что делали дикари на древней Земле. Ты прав, мы все так же топчемся на крошечной пылинке. Если за окном летает серый попугай, его несложно научить повторять слова. Но он никогда не постигнет человеческую культуру. Мы и есть этот попугай, Шлиффен. Мы научились подражать чужой речи, но осознать то, что лежит за гранью нашего понимания, не в силах.

Шлиффен невольно усмехнулся:

— И откуда тебе знать, что это четвертое измерение вообще существует?

— Взглянь на экран, — Эрвин указал на консоль, где бесконечные строки кода внезапно замерли. — Это не просто плод моих фантазий. Как я уже говорил, мы пролетели мимо окна возможностей, но заглянуть в него способны единицы.

На мониторе светились формулы и символы. Некоторые уравнения Шлиффен помнил по школьным учебникам Федерации, но общая картина оставалась для него абсолютно темным лесом.

— Лишь единицы после долгих лет обучения способны осознать эти выкладки, — продолжал Эрвин. — Для абсолютного большинства они навсегда останутся бессмысленным набором знаков. Попробуй объяснить двумерному существу, что такое глубина и объем, — ничего не выйдет. Понимание этих единиц конвертируется в технологии, создавая иллюзию великого прогресса. Но эта иллюзия хрупка. Половина людей во вселенной не понимает, как работает обычный радиопередатчик, что уж говорить о более сложных вещах. Если человечество откажется от внутренней эволюции, то все наши технологии бессмертия останутся лишь нелепым фарсом.

— И все же ты умираешь, — Шлиффен выразительно указал взглядом на его воспаленную ногу. — Ты постиг законы мироздания, но точно так же дрожишь от страха перед неизбежным концом. Это как моя попытка изображать хладнокровного слушателя, пока в глубине души я только и думаю о том, как бы починить мех и убраться отсюда к чертям собачьим.

Эрвин промолчал.

— Прозвучит дико, — Шлиффен сменил тон на более непринужденный, — я ни черта не смыслю в твоих каракулях, но общую суть уловил. Ответь мне только на один вопрос: что ты сам знаешь о смерти? Подозреваю, тут мой опыт побогаче твоего, — надзиратель грустно улыбнулся. — Смерть — это ведь не просто миг, когда гаснет свет. И не исчезновение. Смерть — это медленная пытка болью, удушающее сожаление и отчаянная, животная попытка уцепиться за уходящую жизнь. Будь мы такими же эмоциональными, как наши предки на Земле, я бы сравнил смерть с трагедией вечной разлуки. Но мы с тобой давно разучились чувствовать подобные вещи. Так что аналогия с твоей гниющей заживо голенью будет куда точнее.

Договорив, Шлиффен опустился на колени и принялся аккуратно закреплять конец бинта.

Эрвин снова посмотрел вниз. Из-за угла наклона он видел собственную ногу только до колена — казалось, ее отняли прямо там. Слова надзирателя внезапно пробудили в нем воспоминания о Планке Вейле. Интересно, видел ли бывший наставник в нем такую же отмирающую, загнивающую конечность, которую проще отсечь и выбросить за ненадобностью?

Планк, понимал ли ты хоть когда-нибудь, что такое смерть?

И понимал ли это я сам?

Эрвин медленно поднял голову и негромко произнес:

— Налей мне вина. Очень хочется выпить.

<http://bllate.org/book/18311/1756273>